

Чужие здесь не ходят

Этим летом исполнится год с тех пор, как Россия объявила кампанию «импортозамещения». Точнее, провозглашена она была около полутора лет назад, но именно в 2015-м её стали преподносить в качестве способа модернизации экономики. На самом деле идея «изоляционной модернизации» не нова и даже имеет научное обоснование. Вот только её практическое воплощение ни к чему хорошему не приводит

Александр Ратнер

ПОКА НЕ ВЫШЛО

Из-за российских «контрсанкций» импорт в РФ по итогам 2015 года обвалился на 37%. Но заместить это падение не получилось: внутреннее производство, в том числе и продуктов питания, за тот же период сократилось на 3,4%

Интеграция или изоляция? В XX веке выбор между этими двумя моделями модернизации уже делали — в Азии и Латинской Америке. И, судя по всему, Россия твёрдо намерена идти именно по латиноамериканскому пути. «Итерация [стратегии национальной безопасности РФ] 2015 года является декларацией изоляционизма, оборонительных намерений», — писал в начале этого года обозреватель Bloomberg Леонид Бершидский. — Нет надежды, что Путин планирует бороться с экономическими проблемами России, делая свою страну более доступной для иностранного капитала или углубляя её интеграцию в глобальные рынки; нет, он планирует продолжать двигаться в противоположном направлении».

Направление это в XX веке было опробовано как минимум в двух странах: Аргентине и Бразилии. И хоть на первых порах подобная стратегия имела успех, итог и в первом, и во втором случае оказался печальным.

Теория зависимости

Великая депрессия, разразившаяся в США в 1929-м, аукнулась и торговым партнёрам Штатов. Среди пострадавших оказались страны Латинской Америки. Экспорт зерна и мяса из Аргентины и кофе из Бразилии обвалился за год почти до нулевых отметок. Избыток предложения привёл к падению цен, фермеров накрыла волна банкротств. В эти годы помощник министра финансов Аргентины Рауль Пребиш обратил внимание на то, что цены на товары, импортируемые в Аргентину из индустриально развитых стран, снизились не так сильно, как стоимость сырья и сельскохозяйственной продукции, которые экспортировала Аргентина. Вскоре талантливый экономист стал директором аргентинского Центробанка и продолжил изучать статистику международной торговли. В 1949 году Рауль Пребиш и независимо от него британский экономист Ханс Зингер опубликовали статьи, ставшие основой прославившей их «гипотезы Пребиша — Зингера».

Согласно ей, не только в ходе экономических кризисов, но и вообще с течением времени сырьё дешевеет относительно продукции перерабатывающей промышленности. Кста-

ти, гипотеза эта была подтверждена в 2013 году, когда МВФ опубликовал результаты исследований рынков сырья с 1650 года.

Но Рауль Пребиш пошёл дальше. В 1950-м он — в то время исполнительный секретарь экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки (ЭКЛА) — опубликовал свой главный научный труд, положивший начало так называемой теории зависимости. Речь шла о зависимости слаборазвитых стран от промышленных центров Европы и Северной Америки. Согласно теории Пребиша, экономические отношения «центра» и «периферии» организованы так, что бедные периферийные страны продолжают беднеть, а их ресурсы и капиталы в результате обмена сырья на высокотехнологическую продукцию перетекают в богатые страны «центра».

Теория зависимости Пребиша тут же была подхвачена экономистами «периферии», особенно левого толка. Ещё бы: она отлично объясняла населению развивающихся стран причины отставания их экономик и низкого уровня жизни. Предлагал Пребиш и решение проблемы: индустриализацию, основанную на импортозамещении.

Из первого мира — в третий

Реализовывать концепцию Пребиша взялись и на его родине — в Аргентине, и в соседней Бразилии. Бразильские правительства, независимо от того, были они диктаторскими или демократическими, в течение 1960 — 1970 годов развернули масштабную программу модернизации экономики. Государство вкладывало огромные деньги в развитие инфраструктуры и средств производства. Правительство различными способами стимулировало и инвестиционную активность, и потребление. Аналогичные преобразования, хотя и не такие масштабные, осуществляла и соседняя Аргентина.

**«Россия —
самодостаточная страна,
которая вполне может сама
себя обеспечить»**

Николай Патрушев,
секретарь Совбеза РФ

В результате за пять лет, в 1967 — 1973 годах, Бразилия совершила, как тогда говорили, «полёт тропической кометы», взлетев с 28-го на 8-е место в мире по величине ВВП. Бразилия наладила производство автомобилей, тракторов, двигателей, станков, энергетического оборудования, теле- и радиоаппаратуры, страна даже запустила программу национального производства компьютеров и начала освоение космоса. При этом доля экспорта в ВВП Бразилии оставалась неизменной с 1950-х: около 9%. То есть практически весь «полёт кометы» в полном согласии с теорией Пребиша обеспечивался внутренним рынком.

Цена стремительного роста скоро определилась: \$100 млрд. Таким оказался внешний долг Бразилии к 1980 году. А сама Бразилия вместе с Аргентиной и Мексикой возглавили список крупнейших стран-должников. Долги обернулись гиперинфляцией (10-кратный рост цен в 1994-м), заоблачными кредитными ставками и двузначным спадом во всех отраслях промышленности.

Не менее драматически развивалась ситуация в соседней Аргентине. Если Бразилия какое-то время накачивала экономику за счёт долгов, то Аргентина уже с 1960-х неуклонно отставала от темпов развития остального мира. В начале XX века богатейшая страна Латинской Америки вдвое превосходила по ВВП Италию, а по уровню ВВП на душу населения соответствовала Германии и Франции. Но экономические эксперименты привели к тому, что к концу века ВВП страны стало вдвое меньше итальянского.

Проблема в том, что государства, выбравшие стратегию импортозамещения, располагали для её реализации всего несколькими инструментами. Во-первых, это высокие таможенные пошлины на импорт, которые позволяли внутренним производителям держать высокие цены, финансируя свою неэффективность из кармана соотечественников. Во-вторых, это государствен-

Ли Куан Ю,
премьер-министр
Республики Сингапур
с 1959 по 1990 гг.

**«Соединитесь с миром. У вас могут быть
все ресурсы мира, но у вас всё равно
нет всех идей и всех лучших продуктов,
всех услуг и изобретений»**

Ли Куан Ю о теории зависимости

«Мудростью экономистов того времени было то, что транснациональные корпорации считались эксплуататорами дешёвой земли, труда и сырья. Эта «школа зависимости» доказывала, что корпорации продолжали политику колониальной эксплуатации, которая обрекала развивающиеся страны продавать сырьё развитым государствам и закупать у них товары, чтобы эксплуатировать народы и держать их в отсталости. Многие лидеры стран третьего мира верили этой теории колониальной эксплуатации, но меня она не впечатляла»

📌 **ПЕРВЫЙ СОБСТВЕННЫЙ** Ноутбук, а точнее, «носимый терминал» МЦСТ «Эльбрус» из полностью российских комплектующих весом 10 кг работает на частоте 500 МГц. Его аккумуляторов хватает всего на час, зато устройство способно два часа находиться на глубине 1 м под водой и выдержать падение с высоты 75 см

ЗА СТАНДАРТЫ

Несмотря на экономические проблемы и более 21% населения за чертой бедности, в Бразилии по-прежнему поддерживают популистов из левых партий. Причина их популярности — защита «прав и завоеваний рабочего класса». На фото — демонстрации в поддержку президента Дилмы Русеф, отстранённой от власти по процедуре импичмента

ные дотации, которые перераспределяли национальное богатство в карманы «импортозаместителей». И в третьих, — государственное производство, которое по определению не может обанкротиться, а потому заведомо склонно к убыткам.

Все последствия борьбы с империализмом Латинская Америка почувствовала в полной мере и ощущает их до сих пор. Но Раулю Пребишу понадобилось 25 лет, чтобы признать: индустриализация на основе импортозамещения привела к провальным результатам. «Надежды на то, что, получая передовую технологию из «центров», страны Латинской Америки сделают скачок в экономическом развитии, не оправдались, — заявил он на сессии ЭКЛА в 1986 году. — Блага от структурных изменений в ещё большей степени сконцентрировались в высших слоях, что привело к росту расточительного потребления и ухудшило возможности накопления капитала».

Поражение концепции автономизации в Латинской Америке не остудило пыл левых экономистов. Вину за случившееся они снова возложили на империализм и неокOLONиализм. Так, директор Форума третьего мира Самир Амин утверждает, что монопольный контроль над передовыми технологиями, оружием массового поражения и средствами массовой информации позволяет Европе, США и Японии принуждать страны третьего мира к сельскохозяйственному труду и добыче полезных ископаемых. Единственный вариант противодействия пагубному влиянию Запада Амин называет d соплексion, то есть отклю-

чение, изоляцию от международных экономических центров.

Но то, что простительно Самире Амину (его взгляды формировались в 1960-х), не может не удивлять в 2010-х. Ведь полвека назад идеи экономического изоляционизма были опровергнуты на практике.

Из третьего мира — в первый

Речь идёт, разумеется, о так называемых азиатских тиграх — Южной Корее, Тайване, Гонконге и Сингапуре, которые с середины 1960-х и до последнего времени демонстрируют экономический рост.

К моменту раздела Кореи по 38-й параллели, в те самые годы, когда Рауль Пребиш прославился своей теорией зависимости и концепцией импортозамещения, Корея числилась среди беднейших стран. ВВП на душу населения не превышал \$100. Полвека спустя, в 1994 году, когда Бразилия переживала пик последствий политики импортозамещения, Южная Корея вошла в разряд высокоразвитых стран, производя более \$30 000 ВВП на душу населения. Вровень с Кореей развивались экономики двух других «тигров». А Сингапур по темпам роста экономики даже опережал «коллегу» — сейчас по ВВП на душу населения он входит в топ-10 стран мира.

Что же объединяет успешных «тигров» и отличает их от латиноамериканских неудачников? Как ни удивительно — не демократия и гражданское общество способствовали экономическому росту азиатских стран. Во всех государствах-«тиграх» бурный рост состоялся при авторитарном правлении, прозванном «дикта-

турой развития». Демократизация в Южной Корее началась только тогда, когда в результате роста экономики в стране сформировался массовый образованный средний класс. Первый гражданский президент в Республике Корея после 30-летнего правления военных был избран только в 1994 году. На Тайване военное положение длилось с 1949-го по 1987 год, а оппозицию впервые допустили к выборам в 1989-м.

«Для создания открытой политической конкуренции и свободных СМИ нужно, чтобы 40 — 50% населения принадлежали к среднему классу, то есть имели доход выше \$5000 в месяц и были хорошо образованы, — рассказывал в 2005 году в одном из интервью президент Сингапура Ли Куан Ю. — Взять, например, Филиппины. Там не было среднего класса. Образованные люди с нормальным доходом составляли около 15% населения, может быть, 20%. Свободная пресса? Да! Полный беспорядок и скандалы. Кого они выбирают? Жуликов. Актёров. Герои киноэкрана становятся президентами. И ведут себя так, будто всё ещё находятся на экране. Полная катастрофа!»

Секретный рецепт

«Дешёвый и надёжный воздушный и морской транспорт, — пишет Ли Куан Ю в книге «Из третьего мира — в первый», — сделал возможным перемещение отраслей промышленности в новые страны, если только их население было достаточно дисциплинированным и способным к обучению, чтобы работать на

новом оборудовании, а также имелось устойчивое и эффективное правительство, которое могло поддерживать стабильные условия работы для иностранных предпринимателей. Нашим кредо было: либо производить товары и оказывать услуги дешевле и лучше, чем кто-либо другой, либо погибнуть».

Все успешные азиатские экономики были построены не на изоляции, а на максимальной интеграции в международный рынок и ориентации на экспорт. Оказалось, что для тех, кто готов работать дешевле и лучше, чем кто-либо другой, мировой рынок становится океаном возможностей, а страшные корпорации, которыми сторонники теории зависимости пугали народы развивающихся стран, — надёжными союзниками.

Вторая составляющая успеха азиатских «тигров» — минимальные социальные обязательства государства. Производить не только лучше, но и де-

ТОЛЬКО РАБОТА

Рабочие Сингапура, Тайваня, Кореи и других «азиатских тигров» десятилетиями трудились по 10–14 часов в день, получая невысокие зарплаты. Но интеграция в мировую экономику и упорный труд сделали своё дело. К примеру, ВВП на душу населения в Сингапуре сейчас составляет почти \$86 тыс. (5-е место в мире). В Бразилии, которая когда-то во всём опережала Сингапур, этот показатель не превышает \$16 тыс. (101-е место)

Не только коррупция

В Украине популярно высказывание Ли Куан Ю о том, что ему нужно было посадить двух друзей, чтобы победить коррупцию. Но борьба с коррупцией отнюдь не являлась главным драйвером роста других азиатских экономик. Хотя нам достаточно известно о масштабных преследованиях взяточников в государствах Восточной Азии, но это говорит и о фактическом размахе коррупции. В 2013-м по обвинению во взяточничестве к двум годам заключения был приговорён родной брат президента Южной Кореи. А в Китае на откаты, называемые там «связями с общественностью», по оценкам местных экспертов, бизнес тратит от 10% до 30% доходов. При этом в рейтинге «кумовского капитализма», составленном журналом The Economist в 2014 году, в первой пятёрке соседствуют Россия, Украина, Гонконг и Сингапур. Но показатели ВВП этих стран отличаются в разы.

шевле означало работу за мизерную зарплату по 12 — 14 часов и зачастую без выходных. «Сама идея использования дешёвой рабочей силы, — поясняет профессор университета Кукмин (Сеул) Андрей Ланьков, — предусматривала весьма бесцеремонное подавление рабочего движения». К примеру, в Гонконге ограничение рабочего времени — 60 часов в неделю — было введено только в 1958 году, а 40-часовая рабочая неделя стала только к концу 1970-х.

В Латинской Америке, напротив, с 1940-х годов прошлого века бал правил социал-популизм. «Отдайте народу, в особенности рабочим, всё что можно, — писал президент Аргентины Хуан Перон в 1953 году президенту Чили. — Когда вам покажется, что вы уже отдали слишком много, отдайте больше. Вы увидите результаты. Все будут стараться напугать вас призраком экономического коллапса. Но это всё ложь. Нет ничего более эластичного, чем экономика, которой все так боятся, потому что никто её не понимает».

Понимание экономики в духе Перона привело к тому, что социал-популистский режим, по словам латиноамериканского писателя Марио Варгаса Льюса, превратился в «бюрократизированное и замученное законами государство, которое считает, что распределять национальное богатство важнее, чем его производить». Примечательно и то, что социал-популизм привёл к нарастающему со временем имущественному неравенству. Тогда как азиатский «социал-дарвинизм» обеспечил постепенное выравнивание доходов и развитие среднего класса.

Последний пункт, отделяющий успешные страны от проблемных, — политическая стабильность. Ли Куан Ю безраздельно правил в Сингапуре с 1959-го по 1990 год и до самой смерти 23 марта 2015 года оставался самым влиятельным человеком в стране. Чан Кайши возглавлял Тайвань 25 лет, до смерти в 1975-м, после чего власть перешла к вице-президенту, а затем — к сыну, правившему также до самой смерти в 1988 году.

История латиноамериканских государств в XX веке, напротив, —

история бурной борьбы за власть. Так, упомянутый выше Хуан Перон, придя к власти в Аргентине путём военного путча в 1943-м, был свергнут другими путчистами в 1955 году. После 30 лет правления военной хунты Перон снова пришёл к власти, но вскоре умер, передав бразды правления своей жене, которую свергла очередная хунта. В 1983-м в стране наконец прошли демократические выборы, на которых победили радикальные демократы, начавшие сокращать государственные расходы. Но скоро президентом стал последователь популиста Перона, и затем власть левых популистов длилась более 20 лет, до 10 декабря 2015 года, когда на президентских выборах победил правоцентрист.

Неутешительные итоги

Итак, вот рецепт модернизации «по-азиатски»: максимальная интеграция с мировой экономикой, экспортная ориентация промышленности, политическая стабильность и минимальные социальные обязательства государства. Борьба с коррупцией важна, но не является определяющим условием. Государство может играть активную роль в стимулировании экономики. Демократия возможна после появления большого образованного среднего класса.

Кстати, Украина нуждается в модернизации не меньше, чем сырьевые экономики Аргентины и Бразилии 100 лет назад, и почти так же, как молодые азиатские государства после Второй мировой. Дело в том, что советское наследство — тяжёлая промышленность — почти полностью «проедено»: износ основных фондов предприятий составляет более 70%. Высокотехнологические производства не появляются. Как совместить модернизацию такого масштаба с поддержанием высоких социальных стандартов и острой внутривнутриполитической борьбой — вот вопрос, на который в Латинской Америке за 100 лет так и не смогли найти ответа. И который даже не рассматривали в Азии, сделав ставку не на «стандарты», а на тяжёлый повседневный труд.